

ОДИССЕЯ И ULTIMA THULE ПОЭТА, ПИСАТЕЛЯ, АНТИКОВЕДА АНДРЕЯ ЕГУНОВА (НИКОЛЕВА)

*Т.В. Кудрявцева,
профессор, доктор исторических наук,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
tatyanavk@yandex.ru*

Аннотация. А.Н. Егунов известен антиковедам как филолог-классик, переводчик античной литературы и автор замечательной книги «Гомер в русских переводах», а любителям словесности и русской литературы – как поэт и писатель Андрей Николев. В статье на основе опубликованных воспоминаний о Егунове, документов из его личного архива, хранящегося в настоящее время в частной коллекции, архива ERR, а также материалов следственных дел 1933 и 1946 г. реконструируются некоторые драматические моменты его судьбы, во многом типичной для русского интеллигента и творческой личности при тоталитарном режиме.

Ключевые слова: Андрей Егунов (Николев); интеллигенция; репрессии; Великая Отечественная война; коллаборационизм; ГУЛАГ.

ODYSSEY AND ULTIMA THULE OF THE POET, WRITER, CLASSICAL SCHOLAR ANDREW EGUNOV (NIKOLEV)

*T.V. Kudryavtseva,
Professor, Doctor of History, Herzen State Pedagogical University,
St. Petersburg
tatyanavk@yandex.ru*

Summary. A.N. Yegunov is known to classical scholars as a classical philologist, translator of ancient literature and author of the book «Homer in Russian translations», and to lovers of Russian literature – as a poet and writer Andrey Nikolev. The article is based on the published memoirs about Yegunov, documents from his personal archive, currently kept in the private collection, as well as materials of the ERR archive and investigation files of 1933 and 1946. Some dramatic moments of his fate, in many respects typical

for the Russian intellectual and creative person under the totalitarian regime, are reconstructed.

Keywords: Andrei Egunov (Nikolev); intellectuals; purges; Great Patriotic War; collaborationism; Gulag.

Андрей Николаевич Егунов известен антиковедам как филолог-классик, переводчик античной литературы и автор замечательной книги «Гомер в русских переводах», а любителям словесности и русской литературы – как поэт и писатель Андрей Николев, автор сборника стихов «Елисейские радости», романа «По ту сторону Тулы» и поэмы «Беспредметная юность». Значительная часть того, что написал Николев, пропала: роман «Василий Остров», поэмы «В окрестностях любви», «Аничков мост», «Ифигения в Авлиде» и др.

Творчество Егунова-Николева, как не раз отмечалось исследователями, наполнено античными реминисценциями [13]. Но и в его судьбе – а это типичная судьба русского интеллигента постреволюционной России, полная мытарств и «хождений по мукам», – также отразились некоторые известные античные сюжеты. Егунов сам сравнивал себя с Одиссеем [11, с. 360] – только странствия грека длились 20 лет, а Егунова – 23, с 1933 по 1956 г. Единственный опубликованный в СССР при жизни автора (в 1931 г.) роман назывался «По ту сторону Тулы», жанр его Николев определил как «советская пастораль». О крайней Фуле упоминал древнегреческий мореплаватель Пифей (IV в. до н.э.) в недошедшем до нас сочинении «Об Океане». Уже в римскую эпоху Фула представлялась полусказочной страной, краем света. У Егунова была своя *ultima Thule*: места его сибирской ссылки и лагерей – Ивдельлаг и Степлаг.

А.Н. Егунов родился в 1895 г. в Ашхабаде, в семье полковника Николая Андреевича Егунова. С 1903 г. его отец служил в Кронштадте и Петербурге, куда и переехала семья. С 1905 по 1913 г. Егунов учился в Тенишевском училище, затем поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Окончив классическое отделение в 1918 г., он подает прошение о зачислении на славяно-русское отделение, где проучился примерно год, параллельно посещая занятия по романо-германской филологии¹.

¹ Биографические сведения в статье приводятся либо по биографическим очеркам в изданиях произведений Егунова [9; 10; 11], либо по документам из его личного архива, хранящегося у наследников В.И. Сомсикова.

После окончания обучения Егунов был оставлен при университете и продолжал заниматься у профессора С.А. Жебелева до 1923 г. В этом же году появилась его первая публикация – перевод «Законов» Платона: в 27 лет он перевел сложный философский текст и перевел превосходно. Академическая карьера начиналась блестяще. Однако в условиях коренной перестройки всей системы образования новой властью, притом, что классическое образование пало едва ли не первой жертвой этих реформ, найти постоянную работу классику-филологу было непросто. На жизнь себе Егунов зарабатывал тем, что преподавал русский и немецкий языки на рабфаке Горного института, не отказываясь и от других подработок.

Классической филологией Егунов продолжает заниматься на досуге, сочетая с дружеским общением: в конце 1922 г. группа молодых людей – Андрей Егунов, Александр Болдырев, Аристид Доватур, Андрей Миханков – решили собираться по очереди друг у друга, читать и переводить древнегреческих авторов, назвав себя группой АБДЕМ (А – первая буква в именах участников, БДЕМ – первые буквы их фамилий). Егунов предложил заняться переводами древнегреческих романов [11, с. 357]: сначала друзья перевели роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитопонт» (1925), затем – «Эфиопику» Гелиодора (издана в 1932 г.). Членам кружка не чужда была и поэзия – как древняя, так и современная. Егунов пробовал писать стихи еще в гимназии, а в тенишевские годы он вместе со своим однокашником Николаем Васильевым написал шуточную поэму «Филомелу», пародию на Сумарокова. Увлеченности поэзией способствовала и атмосфера, царившая тогда среди научной и творческой ленинградской интеллигенции – последние отблески Серебряного века, – и круг тех людей, с которыми общались абдемовцы. Друзья познакомились с поэтом М. Кузминым: известно, что Кузмин высоко ценил Егунова как писателя и поэта [8, с. 260]. Константин Вагинов, поэт и автор модернистских романов, одно время даже принимал участие во встречах кружка АБДЕМ и учил греческий с Егуновым, с которым подружился. Знаком был Егунов и с М. Волошиным, которого в 1929 г. навещал в Коктебеле. Летом 1928 г. Егунов берет псевдоним Николев, а с 1929 г. он так подписывает все свои тексты. Выбор фамилии поэта и драматурга второй половины XVIII в. Николая Николаева

в качестве псевдонима объясняется интересом Егунова к сатирической поэзии той эпохи, особенно к творчеству авторов «второго ряда» [11, с. 357].

Авторы воспоминаний о Егунове приводят такую деталь: друзья, которые навещали Егунова на его квартире в конце 20-х – начале 30-х гг., лицезрели развешанные по стенам портреты большевистских вождей [4, с. 676; 7]. Т.Л. Никольская (со слов поэта-переводчика Ивана Алексеевича Лихачева) свидетельствует: «В последнем романе Вагинова “Гарпагониана” Андрей Николаевич выведен под именем Локонова, менявшего большие комнаты на меньшие. Вырученные деньги он тратил на книги или пропивал. Однажды после очередного обмена Егунов встретил на улице своих друзей и пригласил взглянуть на новое жилье. Все стены вместо обоев были обклеены фотографиями Сталина и членов Политбюро. Заметив удивление друзей, Андрей Николаевич сказал: “Всегда нужно помнить, где ты живешь”» [12, с. 232].

Над полубогемной, полунаучной жизнью, которую вел тогда Егунов, постепенно стали сгущаться тучи. Властное око периодически обращалось в сторону занимавшейся подозрительными творческими экспериментами «постпетербургской» интеллигенции, особую тревогу вызывали расплодившиеся различные кружки – философские, поэтические, исторические, литературоведческие, религиозно-богословские и т.п. Еще в 1928 г. были арестованы и обвинены в антисоветской деятельности абдемовцы Болдырев и Миханков (по делу религиозно-философского кружка «Братство Серафима Саровского»). Для Егунова призрак не вымышленной, а подлинной Фулы замаячил в 1933 г., когда 20 января он был арестован. Поводом для ареста было присутствие на собраниях кружка «Осьминог», проходивших на квартире литератора Дмитрия Максимова. Егунов пару раз посетил их, а один раз прочел отрывок из своего романа «Василий Остров» [1, л. 129]. При обыске забрали три экземпляра «По ту сторону Тулы» и «9 маленьких папок с различного рода рукописями» [1, л. 126] – рукописи, может быть, и не горят, но пропадают в подвалах Большого дома или Лубянки... Сей литературный кружок стал частью большого дела, сфабрикованного Ленинградским ОГПУ «Следственного дела № 169-33 подпольных народническо-эсеровских ячеек, руководимых “Идейно-организационным центром Народнического движения”» (так называемое дело Иванова-Разумника) [2, л. 330].

Тройка ПП ОГПУ в ЛВО 21 апреля 1933 г. по статье 58–11 вынесла ему приговор: высылка в Западно-Сибирский край – на три года [2, л. 472]. Отбывать ссылку Егунова отправили в сибирское село Подгорное. Режим ссылки был тогда еще достаточно мягким: наш герой смог устроиться на работу на рабфак Томского университета преподавать немецкий язык, он ходил в библиотеку, посещал театр. Но после убийства Кирова ситуация изменилась, и ссылкой стало тяжело свободно передвигаться по назначенному приговором региону [9, с. 20]. Егунов возвратился в Подгорное, где переработал свою поэму «Беспредметную юность». В письме к А.Н. Гипси от 19 февраля 1956 г. (личный архив А.Н. Егунова) он вспоминает, что «в деревне, кл-в так 200 от Томска, я зарабатывал игрой на фисгармонии (!) как иллюстратор кино». После отбытия ссылки Андрей Николаевич съездил ненадолго в Ленинград повидать жену и мать, а затем вернулся в Томск, проработав там еще два года – ему посоветовал затаиться в Сибири его учитель, академик С.А. Жебелев [14, л. 167об.].

Так как будучи пораженным в правах Егунов не мог вернуться в Ленинград, он решает поселиться вместе с матерью в Новгороде. Он преподает иностранные языки в вечерней школе для взрослых; позже (в конце весны или начале лета 1941 г.) к семье присоединяется освободившийся из лагеря младший брат – моряк, филолог и писатель Александр Егунов (литературный псевдоним Котлин). В 1940 г. Андрей Николаевич получил место старшего преподавателя на кафедре классической филологии Ленинградского университета – вел занятия по греческому и латыни, ради чего приезжал из Новгорода. Ежедневные поездки давались довольно тяжело. В письме к А.Н. Гипси (от 4 марта 1956 г.) он так вспоминает новгородский год: «Тогда я метался между женой Тamarой в Питере и мамой в Новгороде – и там и там был уход и ласка, все же утомительно бывало выезжать из Новгорода в 3 часа ночи, чтобы к 8 попасть в Питер, там провести 6–8 занятий, а в 12 ч ночи выехать обратно в Новгород». 6 июня 1941 г. Егунов был отчислен из университета в связи с отказом в прописке.

Новгород перед войной являлся пристанищем многих бывших петербуржцев. Андрей Николаевич коротко общался там со ссылками сестрами Зинаиды Гипсиус – Татьяной и Натальей, с религиозным философом С.А. Аскольдовым и историком церк-

ви, врачом-психиатром, религиозным философом И.М. Андреевским. Еще одним новгородским приятелем стал писатель Б.А. Филиппов (Филиппов).

С началом войны Егунов оказался на оккупированной территории: 15 августа 1941 г. Новгород захватили немцы. В последние годы появился целый ряд исследований о жизни советских людей в период оккупации, о коллаборационизме – когда вынужденном, когда идейном, когда вынужденно-идейном. Историк Борис Ковалев в книге «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 гг.» называет в качестве одного из организаторов городской управы в оккупированном Новгороде Александра Николаевича Егунова [5, с. 39]. Далее он так описывает деятельность А.Н. Егунова (приводятся только инициалы): в качестве руководителя отдела народного образования тот и его сотрудники просматривали библиотечные фонды, изымая оттуда для уничтожения работы классиков марксизма, советских руководителей, произведения писателей еврейской национальности [5, с. 41, 407, со ссылкой на следственные дела АУФСБНО д. 1 А/14519. л 121, 46; д. 43689. л. 146 об.]. В интервью газете «Культура» историк рассказывает о коллаборационистской деятельности «поэта Александра Егунова, творческий псевдоним Андрей Николаев»: «В сферу его интересов входило распространение профашистских газет на русском языке, популяризация взаимоотношений средневекового Новгорода и Германии как членов Ганзейского союза, чтение лекций и показ картин о жизни процветающей Германии, ревизия библиотечных фондов» [6]. Борис Николаевич, очевидно, путает братьев – Александра и Андрея. Александр руководил отделом народного образования, и именно его допрашивали по тому самому делу, которое изучал в архиве новгородского ФСБ Ковалев, осудили за сотрудничество с оккупантами в 1947 г. и амнистировали в 1955 г. по известному указу 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Что же Андрей?

Своим друзьям и коллегам, а также на допросе по своему делу в 1946 г. Егунов рассказывал, что осенью 1941 г. его вывезли из Новгорода на работу в Германию. Пробыв в пункте временного размещения в Риге до середины декабря, в январе 1942 г. он был доставлен в г. Нойштадт, где стал работать лаборантом на заводе

по производству сгущенного молока. В письме к А.Н. Гипси от 2 октября 1955 г. он пишет, что работа была ему «не по нутру, ... зато мы с мамой никогда не голодали». Однако архивные документы из киевской части архива Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга (ERR)¹ побуждают внести коррективы в вышеназванную версию, которая приводится во всех опубликованных биографических очерках и воспоминаниях о Егунове. Андрей Николаевич дважды упоминается в отчете за период с 25.02.1942 г. по 04.03.1942 г. новгородской зондеркоманды в качестве переводчика при коменданте гарнизона [16, л. 556, 561]. Из документа псковской зондеркоманды «Список лиц, отобранных для оценочной работы и проживающих за пределами Пскова» (предположительная датировка – июнь 1943 г.) также следует, что Егунов работал переводчиком [15, л. 178]². Таким образом, в Германию Егунов попал едва ли раньше 1943 г., а может и позже, и не исключено, что с отступавшими немцами.

На молокозаводе он работал до весны 1945 г., пока в Нойштадт не пришли английские войска, а затем и советские офицеры, занимавшиеся репатриацией остарбайтеров. Вместе с матерью Егунов оказался в Берлине, где преподавал примерно год немецкий язык для советских танкистов. Узнав в сентябре 1946 г. о том, что его отправляют в фильтрационный лагерь для репатрируемых советских граждан, и предвидя, что его ожидает, Андрей Николаевич переходит в американскую зону оккупации Берлина. Четыре дня он проведет на свободе, на эти дни пришелся и его 51-й день рождения, но 29 сентября его арестовали американские власти и 5 октября выдали советскому командованию в лице «капитана Халифа и старшего лейтенанта Ализаде» [3, л. 2]. 13 декабря 1946 г. военная прокуратура 8-й Гвардейской армии приговорила Егунова к лишению свободы сроком на 10 лет и поражению в правах на пять лет на основании ст. 58-1 «а» УК РСФСР [3, л. 8], т.е. он получил минимальное по статье об измене Родине наказание, допустимое при смягчающих обстоятельствах.

¹ Впервые на эти документы обратил внимание и даже опубликовал два из них в своем ЖЖ писатель и историк, изучающий русскую эмиграцию и историю коллаборационизма, И.Р. Петров [17].

² Андрей Егунов упоминается также в [15, л. 100, 166].

25 марта 1947 г. А.Н. Егунов прибыл в Ивдельлаг, а 13 ноября 1950 г. его отправили в исправительно-трудовой лагерь Новостройки, станция Экибастуз (Степлаг)¹, так как вскоре (в 1951 г.) Ивдельлаг был расформирован. В личном архиве Егунова сохранились два его письма из Ивдельлага, адресованные младшему коллеге, классику-филологу Я.М. Боровскому. В письме от 22 ноября 1947 г. он пишет о том, какую радость доставил ему присланный Боровским Шекспир: «Теперь я обеспечен чтением, и притом самым любимым чтением». Он просит коллегу писать обо всех «подробностях филологической жизни», говоря, что для него это отдушина в другой мир: «Живу по большей части воспоминаниями». Рассказывает немного и о своей лагерной жизни: «Вид на холмы, покрытые тайгой, бывает очень хорош на восходе и закате солнца. Пушистый снежный покров тоже меня радует – я не видел снега несколько лет». Пишет, что «без малого восемь месяцев» провел в больнице, и как инвалид (сердце) «не привлекался к обязательным работам», поступив на «канцелярско-счетоводную должность».

Последний год до освобождения, который Андрей Николаевич провел в лаготделении в Теректах, и физическое, и психологическое его состояние были сложными – о будущем он думал безрадостно, с безнадежностью. Он не знал, что будет реабилитирован, поэтому считал, что Ленинград для него заказан из-за поражения в правах. Даже тюрьма казалась не так страшна, как то, что ждало его на воле: «А от мира отвык, ни кола, ни двора, т.е. ни одеяла, ни ложки, ни плошки. И – самое главное – никакой охоты жить» (из письма к А.Н. Гипси от 24 марта 1956 г.).

Однако Егунову повезло, как и раньше не раз везло: подобно Одиссею его вели и хранили – судьба ли, боги? Самые страшные годы, когда ленинградскую интеллигенцию выкашивал террор «ежовщины», он провел в Сибири. Он не раз говорил, что если бы остался в Ленинграде, наверняка не пережил бы блокады. В Степлаге его нашла Анна Николаевна Гипси, сестра его умершего от голода друга Коли Васильева: он стал с ней переписываться, и у него появилось то место, где его ждали, куда он мог приехать, пусть это была только комната в коммунальной квартире на

¹ Даты указаны в ответе помощника прокурора Свердловской области на запрос Е.Л. Пинегиной [13, с. 5].

ул. Петра Лаврова, в которой Анна Николаевна жила с двумя сыновьями. В апреле 1956 г. в Теректы приехали представители комиссии Президиума Верховного Совета, и 25 апреля, за пять дней до окончания срока, Егунова освободили со снятием судимости – т.е. он был полностью реабилитирован. Сначала он собирался ехать в Караганду – «ввиду престарелости и бездомности, в дом инвалидов, с использованием вместе с тем на преподавательской работе» (из письма к А.Н. Гипси от 14 мая 1956 г.). Жизнь в карагандинском доме престарелых стала бы новым кругом ада, не сулила никакого возвращения к науке и творчеству и едва ли продлилась бы долго. Но Егунов-Николев смог собраться с духом и пуститься в свой обратный путь, в Ленинград, завершая вынужденное странствие. Одиссеей вернулся домой – из самого царства Аида.

Список литературы и источников

1. АУФСБ СПб ЛО. П-66793. Т. 1.
2. АУФСБ СПб ЛО. П-66793. Т. 4.
3. АУФСБ СПб ЛО. П-79052. Ф. К-1. Оп. 1.
4. Гаврилов А.К. Журфиксы на Весельной // Тыняновский сборник. 1998. Вып. 10. С. 672–678.
5. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ, 2004.
6. Ковалев Б.Н. Ценные люди Третьего Рейха: через их руки прошли реликвии древнего Новгорода / беседа вела Е. Анженкова // Культура. 2002. № 29 (7336), 18–24 июля. С. 4.
7. Кондратьев В.К. Испытанное постоянство [Электронный ресурс] // Василий Кондратьев. Последние тексты. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/13690-vasiliy-kondratiev-poslednie-teksty> (дата обращения: 10.08.2019).
8. Кузмин М. Дневник 1934 года / под ред., вступ. статья и примеч. Глеба Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. 415 с.
9. Маурицио М. «Беспредметная юность» А.Н. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 254 с.
10. Морев Г.А. Андрей Николев: материал для стилистики // Андрей Николев. Елисейские радости. М.: ОГИ, 2001. С. 5–8.
11. Морев Г.А., Сомсиков В.И. Андрей Николаевич Егунов: канва жизни и творчества // Николев А. (Егунов А.Н.). Собрание произведений / под ред. Глеба Морева и Валерия Сомсикова. Wien:

Peter Lang, 1993 (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 35). С. 354–361.

12. Никольская Т.Л. Из воспоминаний об Андрее Николаевиче Егунове // Звезда. 1997. № 7. С. 231–234.

13. Пинегина Е.Л. Историко-литературные контексты творчества А.Н. Егунова: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 170 с.

14. СПбФАРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171.

15. ЦДАВО. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 127.

16. ЦДАВО. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 149.

17. labas (Игорь Петров). Комментарии [Электронный ресурс] // Живой Журнал labas. Запись от 28.02.2011. URL: <https://labas.livejournal.com/889938.html?thread=15533906#t15533906> (дата обращения: 15.08.2019).